

Марина КУРНОСКИНА

г. Саратов

После обеда бабушка с дедом ушли на почту, а мы с Таней сидим на чердаке и в старый дедов бинокль смотрим на лохматую тучу над полем. В центре туча плотная, почти чёрная, она стоит высоко, уменьшаясь кверху, как пирамида. Если покрутить тугое колёсико в центре, туча подъезжает ближе. Тогда становится видно, что внутри у неё — тёмные ватные клочья. Эти клочья всё время движутся, и туча на глазах меняет форму — то опадает, то наклоняется вбок, то опять тянется кверху.

Таня поворачивает бинокль, оглядывая небо.

— Хоть бы не пошла к нам, — бормочет она, — хоть бы свернула куда-нибудь в сторону.

Дома я убираю бинокль на полку и заглядываю в горницу. Ставни открыты, легкий ветерок колышет белые кружевные занавески. У окна в плетёном кресле сидит Ольга. Она, как и Таня, моя двоюродная сестра, но мы с Таней живём в деревне уже целый месяц, а Ольга только что приехала. Перед ней на подоконнике — открытая книга. Лицо у Ольги серьёзное, строгое, как у нашей учительницы. Я знаю, что на следующий год она будет поступать в педагогический. В том, что её примут, никто из нашей родни не сомневается.

«Оленька — прирождённый педагог», — говорит бабушка.

Нам во втором классе тоже выдали на лето список книг, но здесь, в деревне, дело со списком движется плохо. Из целого листа пока вычеркнуто только пять названий. Время от времени я беру книгу, лезу по деревянной лестнице на сеновал и читаю, лёжа на мягком душистом стожке. Но это бывает редко. Днём у меня много дел, а перед

сном читать не удаётся: бабушка с дедом встают чуть свет, поэтому вечером ложатся рано. Если мы с Таней после ужина слишком долго сидим на крылечке, дед ворчит на нас, приговаривая:

— Вечером — молодёжь, а утром не найдёшь.

Мы торопимся, подсаживаем друг друга на высокую перину нашей с ней общей кровати и засыпаем, едва коснувшись подушки.

Я смотрю на девушку у окна, на её длинный светлый сарафан в мелкий цветочек. Мне хочется поговорить с ней.

— Оля, что ты читаешь? — тихо спрашиваю я.

— Это для взрослых, — нехотя отвечает она, не поворачивая головы.

Мне нравится Ольгина коса, плотная, блестящая. Сейчас, когда сестра сидит неподвижно, коса смиренно лежит на спине. Но стоит ей немного повернуть голову или вздохнуть, та тут же вздрагивает, как живая. Мне ужасно хочется потрогать Ольгину косу, но об этом нечего даже думать.

У стены напротив входа стоит старинный шкаф с резными башенками. По краям у шкафа дверцы, а в центре — зеркало. Я подхожу поближе и вижу в зеркале загорелую девочку лет семи в выцветшем платье. Глаза у девочки синие-синие, лохматые рыжие волосы торчат в разные стороны, а босые ноги покрыты ссадинами и свежими розовыми царапинами. Каждый вечер Таня приглаживает мои спутанные патлы, разбирает их на небольшие прядки и тихонько, начиная снизу, расчёсывает каждую прядку деревянным гребнем с редкими зубьями.

— Это ничего, — приговаривает она, вынимая из кудрей лёгкое куриное пёрышко или сухую травинку. — Это ветер играет с волосами, балуется.

Бабушке не нравится моя причёска. Когда у неё появляется свободная минутка, она приносит пластмассовую расчёску и берётся за меня.

— Как приехала из города, — причитает она, — была такая нарядная, чистенькая. А сейчас — посмотри!

— Пусти, баба! — кричу я, пытаюсь поймать её руку. — Расчёской нельзя, это ветер спутал!

Она не слушает, сильно дёргает и тянет вниз, а я вырываюсь и плачу.

Дед, видя мои страдания, вступает за меня.

— Нет, мать, — говорит он спокойно, — ничего у тебя не выйдет. Оставь, Танюшка ей перед сном приберёт гриву. Тут не сила нужна, а сноровка и терпение.

Я вижу, что мешаю Ольге читать, но мне надо спросить, и я подхожу к подоконнику.

— Тебе нравится, как пахнет сено?

— Кумарин, — отвечает она, немного подумав.

— Что?

Она поворачивает голову и смотрит на меня поверх очков.

— Кумарин. Это такое химическое вещество, которое придаёт сену его аромат.

«Так вот оно, значит, как! — думаю я, отступая к дверям. — Выходит, сено так хорошо пахнет не само по себе, а из-за какого-то там вещества. Но как и когда оно попало на наше сено, пока трава росла на лугу или потом, когда её скосили и привезли во двор, сложили стожком в сарае?»

Я иду искать Таню. «Ку-ма-рин, ку-ма-рин», — повторяю я трудное слово, чтобы не забыть его по дороге.

Дальний край участка за картофельным полем отгорожен от дороги не штакетником, как везде, а длинными тонкими жердями. У жердей нет коры, они тёплые, гладкие, стоять на них приятно. Мы забираемся на нижнюю перекладину и виснем на верхней, смотрим на близкий лес.

— На поляне есть деревья со смолой на стволах, — говорю я. — Свежая смола мягкая, её можно жевать.

— Одна ходила в лес! — пугается Таня. — Вот узнает бабушка!

— Не узнает, — говорю я. — Пойдём, это совсем рядом.

Мы оглядываемся на дом и перелезаем на ту сторону. Дорога пуста, и уже через мину-

ту мы ныряем в душный полумрак, несёмся вглубь, в сторону большой поляны.

Вот и сосна с узким дуплом. Я отламываю сухую кору, она крошится у меня в руке, падает на тропинку крупной серой пылью. С одной стороны ствола видны янтарные горошины смолы, её называют живица. Мы собираем клейкие кусочки, складываем в карманы про запас. Тёмная, застывшая смола очень жёсткая, мы её не берём. Молодая живица тягучая, вязкая, как ириска, она немного горчит и пахнет хвоей.

Вдруг становится темно и очень тихо. Задрав головы, мы смотрим вверх.

— Вот она! — шёпотом говорит Таня и хватает меня за руку. — Бежим!

Мы мчимся назад, уворачиваясь от веток. Чёрная туча подошла неслышно и повисла прямо над нами низко-низко, покачиваясь и дыша влажной прохладой. Вот сверкнуло впереди, потом ещё, потом бабахнуло во всё небо, и полилась, хлынула на землю тёплая вода. Вот уже и плетень. Лезем по мокрым перекладинам лестницы на сеновал, усаживаемся под навес на широкую деревянную балку у самого входа. Сено не любит влаги, придётся переждать грозу здесь, в сторонке от сухого душистого стожка.

Я хочу рассказать Тане о своём разговоре с Ольгой, но слово, которым называют пахучее вещество, давно вылетело из моей головы. Я наклоняюсь к стожку, выдёргиваю пучок колких зелёных травинки и вдыхаю свежий пряный аромат. Таня тоже вдыхает.

— Мятлик, — говорит она, — клевер и овсяница. Дедушка мне показывал их на лугу.

Я киваю. Сено пахнет спелыми травами, тёплым ветром, влажной от росы землёй. Оно пахнет летом и волей, и за этот радостный запах его так любят коровы. Мы сидим, свесив ноги, на широкой балке и ждём, пока дождевые капли перестанут барабанить по навесу и можно будет пойти в дом, попросить у бабушки хлеба и холодного молочка.

□

Марина Германовна КУРНОСКИНА

родилась в Саратове.

Окончила СГУ имени Н. Г. Чернышевского.

Пишет прозу. Публиковалась в журналах «День и ночь», «Урал».

Автор книги о туризме

«Искусство путешествовать без проблем и лишних расходов».

Лауреат II международной литературной премии

им. А. Серафимовича в номинации «Лучший детский писатель» (2023),

14-го конкурса переводчиков имени Э. Л. Линецкой

в номинациях «Проза» и «Поэзия» (2023) и др.

В журнале «Север» публикуется впервые.

